
ПО ЯПОНИИ

(записки миссионера) ¹⁾

Отъ Хакодате до Саппоро.

14—26 августа въ 8 часовъ вечера, какъ намъ сказали, выходилъ пароходъ изъ Хакодате на Мороранъ; на немъ я и долженъ былъ ѣхать, чтобы попасть въ приходъ отца Николая Сакурай.

Въ шесть часовъ началось въ нашемъ маленькомъ храмѣ всенощное бдѣніе: завтра былъ праздникъ Успенія Божіей Матери. Служилъ отецъ Петръ, здѣшній священникъ, очень тихій, благочестивый человекъ, хотя, можетъ быть, и не такой живой, какъ бы хотѣлось въ этомъ бойкомъ мѣстѣ. Служба идетъ чинно, читаются и пареміи, и стихиры; много разныхъ чисто русскихъ обычаевъ, которые въ другихъ нашихъ церквахъ, даже въ Суругадайскомъ храмѣ, еще хорошенько не привились. Есть даже одинъ мальчикъ-ревнитель, усердствующій надъ кадиломъ, съ дѣловымъ видомъ носящій свѣчи, складывающій ризы и все это время поющій вслѣдъ за хоромъ. Войдя въ храмъ, каждый идетъ къ аналогію, цѣлуетъ икону праздника или воскресную, потомъ большое распятіе (голгоѳа). Это уже погречески: такъ никто ни войдетъ, ни выйдетъ, не поцѣловавъ иконъ. За литургіей во время чтенія „Благословлю Господа“ производится сборъ на церковь. Нигдѣ въ Японіи этого нѣтъ. Точно также, какъ нѣтъ и обычая выражать свое усердіе и молитву, ставя предъ иконами свѣчи, а между тѣмъ и тотъ и другой обычай весьма важны для приученія вѣрующихъ жертвовать на храмъ.

¹⁾ Продолженіе. См. Богосл. Вѣст., августъ, стр. 595—615.

Пѣль небольшой хорикъ изъ катихизатора и разныхъ женъ и дѣвиць, живущихъ въ церковномъ домѣ (жены катихизаторовъ, дочери сторожей и пр.), другой катихизаторъ въ стихарѣ стоялъ на клиросѣ и читалъ. Пѣли вообще хорошо, и почти наизусть: конечно русскихъ христіанъ это не удивить; но въ Японіи безъ книги въ рукахъ нѣтъ пѣнія. Пусть пѣвецъ и въ книгу не смотритъ и даже поетъ совсѣмъ не такъ, какъ написано, а все же ноты въ рукахъ, иначе нельзя. Главное же отличіе Хакодатской церкви въ томъ, что старый Никита, уже тридцать лѣтъ живущій въ церковномъ домѣ, исправно знонитъ во время всенощной и второй, и третій звоны, и по окончаніи службы. Одно неприятно поразитъ русскаго при входѣ въ японскій православной храмъ, особенно подъ и на большіе, двенадесятые праздники: это—очень малое число Богомольцевъ. Въ Россіи въ это время, какъ говорится, яблоку, упасть негдѣ, а у насъ—пустота. „Что же дѣлать? Не все вдругъ. Въ Россіи церковный строй впитался въ плоть и кровь народа, здѣшніе же христіане только вчера пришли въ церковь; вѣра у нихъ есть, но церковный строй имъ совершенно не знакомъ и не привыченъ, каждую мелочь его, нужно еще узнать, а узнавъ, нужно къ ней приучить себя. Притомъ, кругомъ ихъ индифферентный языческій міръ, живущій совсѣмъ особо отъ церкви, не знающій объ ея торжествахъ, ведущій свою будничную работу. Христіанину приходится прямо напрягать себя, чтобы не послѣдовать общему примѣру и, бросивъ работу, идти въ свой храмъ. Много, конечно, причиной здѣсь и то, что сами наши проповѣдники никогда воочію церковной жизни не видали, церковнымъ строемъ не жили. Они знаютъ только церковное вѣроученіе, умѣютъ очень хорошо проповѣдовать, знаютъ, что Богослуженіе и пр. необходимы для церкви, но, какъ сами не привыкли къ церковному строю, не могутъ научить ему и другихъ. Поэтому, мнѣ не разъ приходилось встрѣчать, что катихизаторъ, напр., всегда и всюду читаетъ воскресную службу перваго гласа, будь-то воскресенье, Рождество Богородицы или простой будній день. Очевидно, необходимость общественной молитвы во всѣ эти дни онъ знаетъ, но не знаетъ, что самое Богослуженіе, его пѣніе, чтеніе и пр., все это вмѣстѣ съ тѣмъ должно служить и къ назиданію, должно раскрывать предъ

вѣрующими смыслъ и цѣль даннаго молитвеннаго собранія, такъ чтобы они вмѣстѣ съ церковію могли торжествовать духовно, могли вмѣстѣ съ нею пережить весь церковный годъ сознательно. Конечно, такое безразличное Богослуженіе особенной притягательной силы имѣть не можетъ: дѣло сводится только къ внѣшнему обязательству ходить въ церковь въ извѣстные дни, а внѣшнее обязательство сильно не для всѣхъ и не навсегда.

Я, можетъ быть, слишкомъ долго остановился на этомъ предметѣ. Что же дѣлать? Это наше наболѣвшее мѣсто, постоянно и вездѣ о немъ приходится говорить и горевать. Поэтому-то и необходимы на первыхъ порахъ церковной жизни миссіонеры изъ старой церкви. Особенно же необходимъ монастырь: свободные отъ обычной житейской суеты, тамошніе обитатели могли бы вполне слѣдовать церковному укладу, здѣшніе же христіане могли бы воочію научиться отъ нихъ. Пусть и тогда будутъ большіе недочеты въ церковно-уставномъ отношеніи (мірянину, да еще живущему поденнымъ трудомъ, трудно не имѣть ихъ), но все же осязательнѣе будетъ церковный строй. Ревнитель можетъ выбрать у себя время, пойти въ монастырь, пожить тамъ, помолиться, а потомъ возвратясь домой, и туда принести церковный духъ, и другимъ рассказать, и своимъ примѣромъ наставить. Въ этомъ, вѣдь, и состоитъ незамѣнимая, просвѣтительная миссія монастырей. Воспитывать дѣтей, ходить за больными, переводить и печатать книги и пр.,—все это естественно и даже необходимо для монастыря, но все это не въ собственномъ смыслѣ монастырь. Все это могли бы дѣлать и какія-ниб. общества, съ этой цѣлью учрежденныя. Есть же у католиковъ орденъ Христіанскихъ братьевъ, специально посвятившій себя воспитанію дѣтей? Нашъ восточный, православный аскетизмъ гораздо глубже и шире, а потому и служеніе монастырей въ церкви гораздо важнѣе. Православный христіанинъ отрекается отъ міра и яже въ мірѣ не для того, чтобы быть полезнымъ обществу или церкви, а непременно ревнуя о высшемъ совершенствѣ, о царствіи Божіи. А потомъ, конечно, отъ него, какъ въ пустыни, начинается бить ключъ живой воды, которымъ наполется и вся церковь. Вспомнимъ хотя бы нашу Кіевскую лавру. Преподобный Антоній жилъ въ пещерѣ, въ дали отъ всѣхъ,

а потомъ изъ той же лавры, свято сохранявшей завѣты своего первоначальника, стали выходить и пастыри, и проповѣдники, и ученые, и иконописцы и пр., и пр. Оставь эта Лавра преданіе старины, ея истинно аскетическій строй, и смѣло можно сказать, что отъ нея давно уже осталась бы только историческая память, и такого вліянія на русскую жизнь она бы не имѣла. И такъ вездѣ,—такъ совершалось обращеніе ко Христу и всѣхъ тѣхъ народовъ, которые растворились въ народъ Русскомъ. Возревновавшій о Богѣ селился въ глуши, заводилъ монастырь, отъ котораго потомъ просвѣщалась и окружающая область. Вспомнимъ примѣры болѣе поздняго времени. Вотъ хотя бы Валаамскій инокъ Германъ, скромная и дѣтски-чистая душа котораго такъ и встаетъ предъ вами при чтеніи его писемъ. Поселился онъ на Алеутскихъ островахъ, не мудрствуя лукаво сталъ продолжать свое обычное монастырское дѣланіе „царствія ради небеснаго“, а кто, какъ не этотъ смиренный монахъ, воспиталъ тамошнихъ христіанъ и сохранилъ ихъ до пріѣзда преосвященнаго Иннокентія? Если гдѣ-либо, то именно въ церковномъ дѣлѣ исполняется слово Спасителя: Ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ“.

Къ сожалѣнію, обо всемъ этомъ намъ приходится только мечтать или разсуждать. Есть здѣсь и подходяще мѣсто для монастыря, несомнѣнно нашлись бы ревнители и изъ японцевъ, только вотъ нѣтъ тѣхъ, кто бы могъ послужить руководителями и первоначальниками этихъ ревнителей. Безъ руководства же начинать монашества нельзя, въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо устное преданіе, вліяніе живой личности,—мертвая буква руководить не можетъ. Нѣкоторые изъ японскихъ христіанъ, имѣли склонность къ монашеству; нѣкоторые начинали и подвиги совершать; но конечно это кончилось ничѣмъ. Одинокій, неопытный подвижникъ скоро уставалъ идти по неизвѣстной дорогѣ и возвращался вспять, и хорошо еще, если только этимъ дѣло и кончалось: самовольное подвижничество неопытныхъ людей обычно приводитъ къ прелести, къ сумашествію. Почва для монашества, стало быть, среди японцевъ есть, необходимы дѣятели. Да и условія жизни для монаха,—самыя подходящія: въ горахъ, вдали отъ всѣхъ среди чужого народа, онъ будетъ одинокъ, спокоенъ со своей

молитвой, ничто не будет его развлекать или искушать... Да,—но все это пока только мечты и, Богъ знаетъ, когда придутъ онѣ въ осуществленіе?...

Я простоялъ до евангелія, и потомъ съ Меоодиємъ, маленькимъ мужичкомъ, сторожемъ при миссіонерскомъ домѣ, мы пошли внизъ, на пристань. Было уже темно. Окна храма ярко горѣли, а кругомъ деревья и спящіи тихій нашъ церковный дворъ, далеко отдѣляющій мѣсто молитвы отъ остального города и міра. Мнѣ вспомнилась русская пустынь въ лѣсу. Будетъ ли когда-нибудь подобное и на японской почвѣ? .

На пароходѣ я встрѣтилъ англиканскаго миссіонера, уже пожилаго человѣка, съ длинной темно-русой бородой и нѣсколько вздернутымъ крупнымъ носомъ. Видѣ вообще очень скромный и простой. Я заговорилъ съ нимъ. Онъ, оказывается, ѣдетъ тоже въ Саппоро для конфирмаціи. Стало быть, попутчики. Изъ того, что ѣдетъ на конфирмацію, я заключилъ, что предо мной bishopъ. Онъ подтвердилъ мою догадку и назвалъ себя bishopомъ Файсономъ, завѣдующимъ всеми англиканскими церквами острова Езо.

Англиканская миссія въ Японіи имѣетъ пять bishopовъ: каждый изъ нихъ вполне независимъ отъ другихъ въ дѣлахъ своего дистрикта и носитъ названіе того города или области, гдѣ живетъ: Хоккайдо (для Езо), Тоокѳо, Южнаго Тоокѳо, Кѳото и Кіу-Сіу. Въ столицѣ Японіи, какъ видимъ, оказалось два bishopа. Это произошло отъ того, что здѣсь дѣйствуютъ двѣ англиканскія миссіи, англиская и американская. Каждая изъ нихъ назначила для своихъ христіанъ особаго bishopа. Потомъ, когда вспомнили, что, по канонамъ, двоихъ епископовъ въ одномъ городѣ ставить нельзя, одного изъ нихъ назвали bishopомъ Южнаго Тоокѳо. Теперь, впрочемъ, обѣ эти миссіи дѣйствуютъ вполне солидарно, образуя изъ себя одну церковь изъ пяти епархій.

Среди нихъ какъ и въ Англіи, замѣтно раздѣленіе на церковниковъ (High church) и протестантовъ (Low church). Въ послѣднее время видимый перевѣсъ на сторонѣ первыхъ (протестантизмъ на японской почвѣ выходитъ уже слишкомъ жидкимъ, необходимо имѣть что-нибудь болѣе обязательное). Такъ эта община недавно усвоила себѣ громкое названіе, на которое не рѣшается даже сама ихъ матерь-

церковь. Японскіе англикане называютъ себя: „Святая японская Каѳолическая церковь“. Прежде bishopsъ называли просто „кан-току“, наблюдатель (буквальный переводъ слова „епископъ“), теперь „сюкео“, терминъ употребляемый для наименованія епископа у католикѣвъ и православныхъ. Прежде были только пресвитеры, старцы, и диаконы—теперь появились, „сисай“ и хосай“,—названія, опять таки введены въ употребленіе въ православной и католической церкви для обозначенія священныхъ степеней. Этимъ, конечно, англикане отвѣчаютъ на папскую энциклику о недѣйствительности англиканской іерархіи. Кромѣ того, по поводу похоронъ англійскаго или американскаго посланника, японскіе англикане пришли къ мысли о необходимости поправить свою похоронную службу, ввести въ церковное употребленіе молитву за умершихъ, что, конечно, само по себѣ уже большой шагъ въ сторону каѳоличности. И многое другое въ этомъ родѣ.

Нашъ „Православный Вѣстникъ“, отмѣчая всѣ эти явленія, съ удовольствіемъ замѣтилъ, что японскіе англикане вѣрнымъ путемъ идутъ къ соединенію съ православіемъ, и даже въ этомъ отношеніи опередили свою митрополию: на Ламбетской комиссіи, хотя и выражено было желаніе сблизиться съ востокомъ, однако, такой рѣшимости исправить свои недостатки не обнаружено. Вполнѣ благожелательно нашъ журналъ заключилъ: пусть поправки сдѣланныя японской англиканской церковью будутъ приняты и одобрены и всѣмъ вообще англиканствомъ, тогда въ нихъ можно съ увѣренностью видѣть возвращеніе англиканства къ каѳоличеству. И вдругъ эта доброжелательная замѣтка вызвала совершенно неожиданный отпоръ со стороны издающагося здѣсь американскаго (епископальнаго) журнала. Редакторъ его весьма запальчиво началъ обвинять нашу церковь въ стремленіи поглотить англиканство, заявлялъ, что они были и останутся протестантами, и что ламбетская комиссія можетъ быть выразителемъ мнѣнія только лицъ, присутствовавшихъ на ней, а отнюдь не всего англиканства; если и говорить объ единеніи, то о такомъ, которое каждой воссоединенной церкви предоставляетъ полную свободу вѣроученія и жизни внутри себя. Притомъ, сами мы за этихъ единеніемъ гнаться-де не будемъ.

Припомнимъ, что ламбетская коммиссія была собраніемъ почти всѣхъ англиканскихъ бишоповъ земнаго шара. Спрашивается, что же это за церковь, въ которой даже собраніе всѣхъ наличныхъ епископовъ не считается выразителемъ церковнаго ученія, обязательнаго для всѣхъ членовъ этой церкви? Вотъ, гдѣ истинная бѣда англиканства. Пока онъ не сброситъ съ себя этихъ, по истинѣ, оковъ вѣроучительной неопредѣленности, двусмысленности, этого колебанія между католичествомъ и пріятнымъ духу времени протестанствомъ, до тѣхъ поръ трудно говорить о сближеніи съ нимъ какъ съ церковнымъ обществомъ. Отдѣльные лица, даже цѣлый классъ лицъ будетъ сближаться, можетъ быть, даже доидетъ и до единенія съ православіемъ, но это только одинъ классъ, одна часть, да и она только тогда пойдетъ къ этому прямо и рѣшительно, когда пойметъ, что у ней нѣтъ ничего общаго съ тѣми бѣснующимися кальвинистами, въ родѣ Кенсита, которые безчинствуютъ въ англійскихъ храмахъ и которые, не смотря на это, были и остаются полноправными членами англиканской церкви.

Относительно же того, кому первому просить общенія или предлагать его, я думаю, мы много спорить бы не стали. Въ высокоцерковномъ Church Review отъ 15 декабря 1898 можно было читать описаніе того приема, какой сдѣлали восточные православные архіереи англиканскому гибралтарскому, въ вѣдѣніи котораго, какъ извѣстно, состоятъ всѣ англиканскіе христіане, разсѣянные по Европѣ и Востоку. Патріархи выражали братскія чувства по отношенію къ англиканству, митрополитъ Смирнскій присутствовалъ при закладкѣ англиканской церкви, архіепископъ Патрассій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы православные священники посѣщали больныхъ и умирающихъ англиканъ и даже напутствовали ихъ Св. Тайнами. Сообщение это газета сопровождаетъ слѣдующей замѣткой: „Что касается православной церкви, дѣло воссоединенія идетъ постоянно впередъ. Впрочемъ, мы остаемся при томъ же мнѣніи, т. е. что, если какая-нибудь *вътъвъ* церкви, *православная или римская*, желаетъ общенія съ нами, она сама должна просить его, а не такъ, чтобы мы должны были просить признанія, съ ея стороны“ (стр. 797). На такихъ началахъ, конечно, трудно когда-нибудь сойтись. Впрочемъ, если бы англиканизмъ искренно испра-

вился, искренно и не колеблясь сталъ на католическую почву, тогда и самъ бы онъ, яснѣе понялъ необходимость полнаго общенія съ церковію, да и эта не сочла бы для себя униженіемъ первой протянуть ему руку общенія. Для христіанскаго же міра это, несомнѣнно, было бы великимъ событіемъ и имѣло бы, самыя благодѣтельныя послѣдствія. Теперь же это только предметъ молитвъ и очень отдаленныхъ надеждъ.

Изъ инославныхъ миссій англиканская самая близкая къ намъ. Достоянные ея представители относятся къ намъ доброжелательно, всегда и вездѣ съ уваженіемъ говорятъ о православіи, и предъ послѣдователями отнюдь не скрываютъ его истинно-католическаго достоинства. Преосвященный почти со всѣми ихъ епископами знакомъ лично. Въ важныхъ случаяхъ ихъ церковной жизни англикане его извѣщаютъ и шлютъ приглашеніе. Англиканскіе священники, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, принимаютъ отъ него благословеніе и цѣлуютъ ему руку.

Въ 1897 году въ Японіи было 144 англиканскихъ миссіонера обоаго пола, при 157 катихизаторахъ-японцахъ (изъ нихъ 37 облеченныхъ въ священныя санъ). Всѣхъ христіанъ этой церкви было 8349.

Миссіонеры епископальныя матеріально обставлены очень хорошо, живутъ комфортабельно. Да и вообще всѣ протестантскіе миссіонеры отнюдь не налагаютъ на себя обѣта добровольной нищеты. Не даромъ, недавно въ японской газетѣ напечатанъ былъ цѣлый рядъ филиппикъ противъ ихъ будто бы роскошной жизни, противъ ежегодныхъ четырехмѣсячныхъ каникулъ, противъ дорогихъ дачъ въ разныхъ, извѣстныхъ своимъ хорошимъ климатомъ мѣстахъ Японіи. Въ этомъ отношеніи имъ прямой контрастъ—миссіонеры католическіе, которые, по рассказамъ достовѣрнымъ, живутъ на такое жалованье, какое выдается обычно только японскому проповѣднику. Впрочемъ, есть подвижники и среди англиканъ. Напр., пришлось читать о Корейскомъ англиканскомъ епископѣ Корфѣ. „Это, пишется въ газетѣ, можетъ быть единственный въ мірѣ прелатъ, который не имѣетъ ни кровати, ни стола, ни стульевъ, и вообще никакой мебели. Обѣдаетъ онъ, а также пишетъ и читаетъ, сидя на полу и опершись спиною о стѣну. Спитъ онъ въ висячей койкѣ, спутницѣ его дѣятельной и богатой событіями жизни (прежде

онъ былъ судовымъ военнымъ священникомъ). Пища его самая простая. Нѣтъ необходимости прибавлять, что докторъ Корфъ—холостъ. Пенсію, которая идетъ ему за службу во флотъ, Корфъ ежегодно передаетъ въ видѣ чека въ миссіонерское общество, въ которомъ онъ служитъ (Church Review 8 декабря 1898 г. стр. 794). И среди нихъ есть, какъ видимъ, настоящіе подвижники миссіонерскаго дѣла.

Бишопъ Файсонъ, съ которымъ судьба меня свела на пароходъ,—человѣкъ женатый, семья его живетъ съ нимъ вмѣстѣ въ Хакодате рядомъ съ нашимъ церковнымъ мѣстомъ. Мы долго съ нимъ ходили по палубѣ. Онъ вкратцѣ передалъ мнѣ всѣ важныя новости, происшедшія въ мірѣ, пока мы сидѣли въ Неморо. Но главнымъ предметомъ разговора служили, конечно, церковныя дѣла. Онъ меня спрашивалъ о бракахъ нашихъ священниковъ и очень удивился, когда я ему сказала, что священникъ имѣвшій жену и дѣтей, овдовѣвъ, можетъ принять монашество и быть епископомъ. спрашивалъ, не употребляемъ ли мы при совершеніи литургіи греческаго языка (должно быть, подобно католикамъ, употребляющимъ латинскій языкъ). Обязательно выступилъ и этотъ неизбѣжный для протестантовъ вопросъ о почитаніи святыхъ иконъ, въ отсутствіи котораго протестанты видятъ почти самую суть христіанства. Впрочемъ, бесѣда наша отнюдь не была словопреніемъ, мы только поясняли одинъ другому ученіе своихъ церквей.

Пароходъ вышелъ только въ 11 часовъ.

15—27 августа. На морѣ былъ густой туманъ, и потому пароходъ всю ночь свистѣлъ, не давая уснуть. Должны были придти часовъ въ шесть утра и только въ восемь, наконецъ, разглядѣли сквозь туманъ желтыя, голыя скалы высокаго мыса, который скрываетъ отъ моря Мороранъ. Бухта его довольно обширна и прекрасно защищена. Городъ покуда незначителенъ, но постоянно растетъ. Значеніе его замѣтно увеличилось, когда его соединили желѣзной дорогой съ Саппоро и всѣми богатыми внутренними областями Езо. Теперь пассажирское сообщеніе идетъ почти исключительно чрезъ Мороранъ. Отъ этого не по днямъ, а по часамъ здѣсь растутъ гостинницы, лавки, селятся ремесленники и пр. Съ дальнѣйшей разработкой острова городъ долженъ еще болѣе развиваться.

Пароходъ не успѣлъ хорошенько стать на якорь, какъ на

палубѣ появилась цѣлая толпа японцевъ съ нѣскольکو пестромъ костюмѣ: съ большимъ бѣлымъ кругомъ на спинѣ, въ которомъ виднѣлись іероглифы, съ двумя параллельными красными полосами чрезъ спину и по рукавамъ. Это-банто“, т. е. коммисіонеры или швейцары гостинницъ. Они послѣшно говорятъ вамъ названіе своей гостинницы. Если желаете остановиться, банто получаетъ вашъ багажъ, доставляетъ и его, и везетъ въ гостинницу, потомъ купить вамъ и билетъ на дорогу и все, что угодно. Европейцу, не желающему поступиться своими привычками относительно пищи, постели, ванны и пр., въ японскихъ гостинницахъ покажется не уютно и дорого, и голодно. Но если удовольствоваться тѣмъ, что получаютъ японцы, то можно сказать смѣло, онъ никакихъ лишеній не испытаетъ: всегда будетъ и сытъ, и спокоенъ. Примутъ васъ точно какого-нибудь знатнаго путешественника, на ночь постелятъ вамъ шелковые футоны (даже неловко съ непривычки). И тепло, и удобно. Только что гость входитъ въ отведенную ему комнату, сейчасъ же приносится чайный приборъ, чай и какія-нибудь кваси (пирожное). Это — угощеніе отъ гостинницы. Въ свою очередь и гость долженъ при расплатѣ что-нибудь прибавить хозяину, „ча-дай“, плата за чай.

Мы съ бишопомъ переѣхали на лодкѣ на берегъ и потомъ пѣшкомъ прошли вдоль берега по всему городу къ вокзалу, находящемуся какъ разъ на другомъ концѣ отъ пристани. Первый поѣздъ въ Саппоро былъ уже пропущенъ; мы должны были ѣхать на второмъ въ 10 часовъ утра. На вокзалѣ имѣлъ радость совершенно неожиданно встрѣтиться съ нашимъ христіаниномъ Акилой, мнѣ до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Онъ служитъ довольно значительнымъ чиновникомъ въ депо желѣзной дороги. Никто не зналъ, что онъ переселился сюда, да изъ катихизаторовъ или священниковъ никто сюда и не пріѣзжалъ для развѣдки о вѣрующихъ. Акила самъ подошелъ ко мнѣ, узнавъ по костюму своего священника. „Вы не изъ Суругадайскихъ ли?“ спросилъ онъ. Я благословилъ его, сказалъ, зачѣмъ и куда ѣду, обѣщавъ непременно и въ Мороранѣ еще разъ побывать и отыскать всѣхъ вѣрующихъ, если они здѣсь есть.

Всю дорогу (семь съ половиной часовъ) просидѣли мы съ бишопомъ одинъ подлѣ другаго. Онъ называлъ мнѣ

станціи, объясняли отчасти окрестности, а потомъ даже накормилъ сандвичами изъ своего дорожнаго запаса. Недалеко отъ Саппоро въ нашъ вагонъ вошли двое католическихъ миссіонеровъ, въ своемъ обычномъ костюмѣ съ широкополыми низкими шляпами. Одинъ изъ нихъ довольно уже пожилой съ длинной черной бородой, казавшійся старшимъ, едва ли даже это не былъ закодатскій епископъ Берліозъ. Другой еще совсѣмъ молодой человѣкъ лѣтъ 27 — 28, съ свѣтлорусой маленькой бородкой, въ очкахъ, съ ясными признаками французскаго типа. Мы конечно, раскланялись, но уже говорить съ ними не пришлось: они сѣли въ другое отдѣленіе вагона. Католики въ Японіи вообще стараются держаться въ сторонѣ, въ особенности отъ протестантовъ, которыхъ ставятъ почти на одну доску съ язычниками. Къ намъ они болѣе терпимы, во время Богослуженія напр., кромѣ католиковъ, допускаются только православные (такъ, по крайней мѣрѣ, было однажды въ Тоокео при одномъ католическомъ церковномъ торжествѣ). Это, впрочемъ, не помѣшало Берліозу издать особое посланіе по своей епархіи, запрещавшее католикамъ въ нашу пасху входить въ православную церковь и принимать какое бы то ни было участіе въ праздниѣ православныхъ.

Католическая миссія—самая древняя въ Японіи. Начало ея дѣятельности относится еще къ 16 вѣку и связано съ именемъ знаменитаго Ксаверія. Но потомъ японское правительство, въ отвѣтъ на разныя нестроенія, и смуты, въ которыхъ не мало были повинны отцы іезуиты и ихъ первые послѣдователи, подняло на христіанство гоненіе, рѣдкое по своей послѣдовательности и безпощадности. Миссіонеры должны были бѣжать, христіане или избиты, или же спрятались. Особенно много спряталось христіанъ въ мало доступныхъ городахъ южнаго острова Кіу-Сіу. Тамъ они жили отдѣльными поселками, стараясь не мѣшаться съ язычниками, воспитывали дома своихъ дѣтей, дома они ихъ и устранивали. Были у нихъ и молитвенныя собранія въ наиболѣе скрытыхъ мѣстахъ. Учить ихъ, конечно, было некому: первые христіане окрещены были, по обыкновенію, поспѣшно и безъ подробнаго обученія, а священниковъ не было. Но всѣ они понимали завѣтъ своихъ отцевъ и хранили вѣру, хотя и знали ее крайне плохо, съ трудомъ отличая Богоматерь

отъ Кваннонъ. Иконы открыто держать нельзя было: ихъ задѣлывали въ штукатурку стѣны и на эту стѣну молились. Иногда христіанскія изображенія дѣлали на манеръ буддійскихъ. Напр. въ Японскомъ буддизмѣ богиня Кваннонъ иногда изображается въ видѣ женщины съ ребенкомъ на рукахъ. Нигдѣ, кромѣ Японіи такого изображенія нѣтъ, но и въ Японіи происхождение его загадочно. Нѣкоторые и думаютъ, что это на самомъ дѣлѣ есть изображеніе Богоматери, бывшее въ ходу среди тайныхъ христіанъ, а потомъ перешедшее и къ язычникамъ. Такой способъ изображенія имѣлъ свою очень дурную сторону: дѣти и внуки тайныхъ христіанъ, не знавшіе ученія, мало по малу и на самомъ дѣлѣ отождествляли Богоматерь съ Кваннонъ, а Спасителя съ буддой, и, ревниво храня тайную вѣру и иконы своихъ отцевъ, они вполнѣ искренно ходили молиться въ буддійскіе храмы, гдѣ стояли такіе же Кваннонъ и Будды, только нѣсколько иначе изображенные.

Правительство и такихъ не оставляло въ покоѣ. Потомки казенныхъ христіанъ до семи поколѣній объявлены были подозрительными и находились подъ надзоромъ полиціи (говорятъ, что нѣкоторые были подъ надзоромъ до самаго паденія сѣгунскаго правительства въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія). Каждый годъ они должны были приходить въ извѣстный буддійскій храмъ и здѣсь давать письменное отреченіе отъ христіанства. А чтобы не было какихъ—нибудь ложныхъ показаній, подозрѣваемыхъ заставляли тутъ же попирать ногами христіанскую икону. До сихъ поръ сохранились такія иконы, литыя изъ мѣди. Они очень стерты ногами попиравшихъ, но особенно стерты, прямо ямами, ихъ края, выступавшіе вокругъ иконы въ видѣ рамы. Не имѣя рѣшимости открыто отказаться отъ попиранія своей святыни, христіане становились на края и избѣгали, такимъ образомъ, касаться самой иконы. Къ стыду европейцевъ нужно сказать, что эту лукавую мѣру подсказали японскому правительству протестанты-голландцы. Вотъ до чего можетъ доводить религиозное озлобленіе!

Когда Японія была снова открыта для иностранцевъ и христіанства, католическіе миссіонеры, давно ждавшіе этого момента (ихъ епископъ съ миссіонерами поселился на островахъ Му-Киу, какъ только прошла первая вѣсть о начи-

нающихся переговорахъ американцевъ и Русскихъ съ японцами) опять пришли и отыскиали своихъ бывшихъ христіанъ. Теперь на Кіу-Сіу много католиковъ.

Составъ миссіи католической очень многочисленный. Они имѣютъ 4 епископовъ (одинъ изъ нихъ архіепископъ); всѣ они, за исключеніемъ одного титулярнаго, носятъ названія городовъ японскихъ, въ которыхъ находятся ихъ кафедръ. Учреждены онѣ лѣтъ пять тому назадъ съ согласія японскаго правительства (прежде епископы носили другія названія). Въ четырехъ католическихъ епархіяхъ дѣйствуютъ 98—миссіонеровъ, 25—монаховъ, 88—монахинь, всего, стало быть, 215 европейцевъ. Потомъ, есть 24—священника, 305—католическихъ катихизаторовъ, 2—монаха, 3—новіція, 27—монахинь, итого 366 японцевъ. Всѣхъ католиковъ въ Японіи показано 52, 796 человекъ. Всѣ цифры взяты изъ официальныхъ католическихъ свѣдѣній за 1897 годъ. Но о дѣятельности, успѣхѣ или неуспѣхѣ, пріемахъ и пр. католической проповѣди судить съ опредѣленностью нельзя. Извѣстно, что они дѣйствуютъ больше благотворительностью. У нихъ въ воспитательныхъ домахъ и разныхъ школахъ, напр., въ 1897 году обучалось 6550 дѣтей обоего пола. Въ больницы для прокаженныхъ и въ богадѣльняхъ призрѣвалось 130 человекъ. Но дѣятельность свою католики скрываютъ. Нигдѣ не слышно о публичной католической проповѣди (въ чемъ—прямой контрастъ протестантамъ, можно сказать доводящимъ публичную проповѣдь до профанаціи, до неблагоговѣйной игры въ апостольство). Въ католическомъ журналѣ никогда ни слова о дѣятельности катихизаторовъ, о поѣздкахъ миссіонеровъ или епископовъ. Извѣстно, что японцы-священники допускаются только въ Кіу-Сіу изъ потомковъ прежнихъ христіанъ, во всѣхъ же остальныхъ частяхъ Японіи приходами завѣдуютъ непременно европейцы. Нехорошая черта у нихъ та, что они, прибывъ въ какое-нибудь новое мѣсто, первыя свои усилія направляютъ на христіанъ православныхъ или протестантовъ, забывая, что предъ ними безграничное море язычниковъ. Этимъ, конечно, возбуждается недоброжелательство среди миссіи, что къ назиданію язычниковъ служить не можетъ.

Желѣзная дорога идетъ отъ Морорана на сѣверо-востокъ до Ивамизава, гдѣ развѣтвляется звѣздой въ разныя сто-

роны. Мы круто поворачиваемъ и ѣдемъ на западъ. Окрестности вообще напоминають Неморо. Тѣже лѣса, порубки, новь, тѣже безконечныя равнины, поросшія высокою травой, тѣже горы на горизонтѣ. Небольшія, зараждающіяся селенія пропадаютъ среди нетронутой природы. День склонился къ вечеру, когда, среди порубокъ и лѣса, мы незамѣтно подъѣхали и къ столицѣ Хоккайдо-Саппоро, большому городу съ сорока тысячами жителей. Здѣсь находится все главное управленіе островомъ, всѣ высшія учебныя заведенія.—Здѣсь же и главная квартира нашего отца Николая Сакурай.

На вокзалѣ къ бишопу подошелъ какой-то „реверендъ“, а меня ожидали свои: отецъ Николай, катихизаторъ, нѣсколько христіанъ, впереди же всѣхъ русскій учитель Павелъ Павловичъ С., который съ истинно сибирскимъ радушіемъ настоялъ, чтобы я остановился у него.

Саппоро.

Надѣвши рясу и крестъ, я отправился съ Павломъ Павловичемъ въ церковный домъ. Церковный домъ стоитъ на собственной землѣ, сначала пожертвованной однимъ состоятельнымъ христіаниномъ, а потомъ выкупленной общими силами всѣхъ здѣшнихъ христіанъ. Произошло это двойное приобрѣтеніе одной и той же земли слѣдующимъ образомъ. Жертвователю оставилъ пожертвованную землю на свое имя (такъ какъ церковь, по японскимъ законамъ, не имѣетъ права собственности), а потомъ, въ несчастію разорился, и его имѣнію и церковному дому, въ томъ числѣ, грозила опасность продажи съ аукціона. Тогда саппороскіе христіане выкупили мѣсто на имя катихизатора.

Какъ можно изъ этого видѣть, церковная собственность въ Японіи далеко не обезпечена. Ни церковь, ни тѣмъ болѣе иностранная миссія приобрѣтаетъ недвижимую собственность не имѣетъ права, приходится приобрѣтать на имя какого-нибудь частнаго лица, японца. Предположимъ, что это подставное лицо вполне надежное, церковнаго себѣ не присвоить. Но всякій можетъ умереть неожиданно или разориться. Что тогда уберезетъ церковную собственность отъ наслѣдниковъ? Я самъ знаю примѣръ: въ одной деревенской церкви рев-

носный крестьянинъ пожертвовалъ подь молитвенный домъ землю, а сынъ его, послѣ его смерти, пригласилъ христіанъ этотъ домъ убрать куда-нибудь, такъ какъ теперь участокъ нуженъ хозяину. И никто, конечно, возразить не могъ. Въ протестантскомъ мѣрѣ, гдѣ денегъ несравненно больше нашего и гдѣ случаевъ пріобрѣтенія земли, поэтому, больше, такія недоразумѣнія бывають нерѣдко. Недавно, съ годъ или немного болѣе тому назадъ, начался генеральный скандалъ, до сихъ поръ еще путемъ не кончившійся и шумѣвшій на всю Японию и Америку. Въ древней столицѣ Японіи-Кёото существуетъ колледжъ или даже университетъ, такъ называемое: „Доосия“. Основаніе его принадлежитъ знаменитому въ японскомъ христіанскомъ мѣрѣ Нисима. Онъ путешествовалъ по Америкѣ, произносилъ тамъ рѣчи, описывая свое отечество, его нужду въ христіанскомъ просвѣщеніи, и плакалъ предъ слушателями. Добрые люди были тронуты и деньги быстро начали собираться. Рѣшено было устроить въ Японіи Университетъ, въ которомъ бы японцы могли получить свѣтское образованіе на христіанскихъ началахъ. Одинъ американецъ, Харрисъ пожертвовалъ цѣлыхъ 100 тысячъ долларовъ на устройство научнаго факультета, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ основѣ всего обученія лежало христіанство. И вотъ основанъ университетъ. Главными дѣятелями были американскіе миссіонеры, которые побуждали американцевъ къ пожертвованіямъ, всячески пропагандировали это дѣло, а потомъ стали и профессорами въ университетѣ. Нисима пригласилъ къ пожертвованіямъ и японцевъ-язычниковъ, и отъ нихъ поступили суммы, довольно большія, но, конечно, въ сравненіи съ заграничными, не значительныя. Такъ какъ иностранцы въ Японіи покупать землю не могутъ, то избрали комиссію изъ японцевъ которыхъ и признали оффиціально собственниками и завѣдующими университетской собственностью. Пока живъ былъ Нисима, все дѣло шло хорошо. Миссіонеры, учили, собирали пожертвованія, расширяли дѣло, строили университетскія зданія, при нихъ клиники, интернаты для студентовъ и пр. Но умеръ Нисима, и все измѣнилось. Мало-по малу между американской и японской комиссіями стали возникать недоразумѣнія. Американскіе профессора постепенно замѣнялись японцами, сначала христіанами, а потомъ и языкъ—

никами. Университетъ быстро терялъ свой христіанскій характеръ, цѣль жертвователей, такимъ образомъ, не достигалась. Наконецъ, японскіе завѣдующіе рѣшили на шагъ, прямо незаконный съ точки зрѣнія университетскаго устава. Желая, чтобы университетская гимназія пользовалась правами государственной школы, они порѣшили вычеркнуть изъ основнаго уложенія университета параграфъ объ обязательности христіанской основы обученія. Американцы возмущались, протестовали противъ этого; но въ отвѣтъ ихъ успокаивали, что все остается по старому, измѣнилась только неудобная въ Японіи форма (пусть школа будетъ вполнѣ соотвѣтствовать правительственной программѣ и даже превосходить ее, но если въ ней преподается хоть что-нибудь религіозное, правительство такой школы не признаетъ). Американцы, давно уже недовольные направлениемъ преподаванія въ университетѣ и справедливо сомнѣваясь въ христіанскихъ убѣжденіяхъ японской комиссіи, потребовали отъ нея прямого отвѣта на вопросъ, вѣруютъ ли они въ Св. Писаніе и въ Божество Иисуса Христа. Комиссія отвѣчать отказалась, и американцы, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, вышли изъ университета. Японцы проводили ихъ любезнымъ приглашеніемъ года два еще пожить въ университетскихъ квартирахъ, чтобы потомъ предоставить ихъ, конечно, новымъ профессорамъ-японцамъ. Поднялся страшный шумъ. Американцы ругали японцевъ во всѣхъ газетахъ, называли ихъ мошенниками, грабителями и др. лестными эпитетами, бѣдный Харрисъ даже умеръ отъ апоплексіи, но все это ни къ чему не повело. Иностранцы не имѣютъ право собственности въ Японіи, не могутъ поэтому и распоряжаться имуществомъ Доосеня, хотя и правительство, и общество прекрасно знаютъ, на какія средства и на какихъ условіяхъ построенъ этотъ университетъ. Японскую комиссію ничѣмъ изъ чужихъ ей зданій выжить нельзя. Въ послѣднее, впрочемъ, время часть комиссіи сдалась подъ тяжестью общественнаго мнѣнія и подъ угрозой формальнаго процесса. Тогда наиболѣе упорные вышли въ отставку. Можетъ быть, университетъ нѣсколько поправится.

Мы, однако, въ Саппоро, въ молитвенномъ домѣ деревянномъ, европейской постройки съ главою и крестомъ на крышѣ. Выстроенъ онъ лѣтъ пять тому назадъ на средства

христіанъ, человѣкъ на 100 или 150. Простой, но изящный иконостасъ, очень хорошія иконы, все японской работы. Въ алтарѣ тоже видно усердіе прихожанъ: запрестольный крестъ, семисвѣчникъ, есть и облаченіе для праздниковъ, и, конечно, хорошій погребальный покровъ. Японцы вообще любятъ прилично обставятъ похороны своихъ родныхъ. Народу было, впрочемъ, мало, человѣкъ 25, не больше, а къ прїѣзду миссіонеровъ въ церкви всегда оживленіе: приходятъ въ молитвенный домъ даже тѣ, кто рѣдко посѣщаетъ его. Что же здѣсь въ обычное время? Говорятъ, что время теперь очень хлопотливое, многихъ въ городѣ нѣтъ.

Но главное мое испытаніе было еще впереди. Отецъ Николай, приземистый, широкоплечій человѣкъ, съ широкой черной бородой, служилъ всенощную. Служилъ онъ хорошо, степенно, только, можетъ быть, слишкомъ зычно. Пѣли нѣсколько дѣвицъ, катихизаторъ и еще Константинъ Омура, бывшій прежде катихизаторомъ. Въ виду такого экстреннаго случая, какъ прїѣздъ иностраннаго симпу (багюшка), хоръ рѣшилъ выказать все свое искусство, или, по крайней мѣрѣ, всю свою смѣлость. Пѣли на четыре (по проекту) голоса премося, достали партесное „Хвалите имя Господне“, партесное „Честнѣйшую“ и т. д. Регента у нихъ не было, пѣть ихъ никто не училъ, только Омура нѣсколько помнилъ кое-что изъ своей партіи по семинаріи. Боже мой, что это за пѣніе было! Просто даже какъ-то физически были больно слушать. А сердиться нельзя: пѣвчіе очевидно своей какофоніи не замѣчали, слушатели тоже думали, что въ трудныхъ номерахъ такъ полагается пѣть, а усердія было, сколько угодно. Я послѣ сказалъ только, чтобы пѣли попроще.

Въ девять съ половиной всенощная кончилась. Я сказать прिवѣтственное поученіе о христіанской никогда, ни отъ чего не престающей радости о Богѣ, любовь котораго уготовала для насъ спасеніе во Христѣ и всегда окружаетъ насъ своимъ почитательнымъ промышленіемъ, и о необходимости всячески хранить вѣру, которой доступна это вѣчная радость.

Уже очень поздно вернулся мы съ Павломъ Павловичемъ въ его квартиру. Прїѣхалъ онъ сюда съ годъ тому назадъ по контракту, въ качествѣ учителя русскаго языка въ основанной для этой цѣли школѣ и на первыхъ порахъ перетерпѣлъ много разныхъ злоключеній. Контрактъ написанъ былъ въ самыхъ

общихъ чертахъ, отсюда сразу же по прїѣздѣ цѣлыи рядъ недоразумѣній: квартира оказалась маленькои клѣтушкой въ самомъ зданіи школы, со щелями, вѣтрами и пр. престѣями обычнаго японскаго дома. Прибавка къ жалованью, которую только словесно обѣщали, конечно, не скоро послѣдовала. Съ тремя маленькими дѣтьми, изъ которыхъ одинъ здѣсь и родился, съ больнои роженицей, бѣдному Павлу Павловичу пришлось очень плохо. Зимой было и холодно, и тѣсно. Притомъ, тутже на маленькои желѣзнои печкѣ, коекакъ согрѣвавшей комнату, приходилось и пищу готовить. Дымъ отъ кушанья и запахъ дѣлали житье еще болѣе непригляднымъ. Въ бѣдѣ неминуеи Павелъ Павловичъ рѣшилъ обратиться за совѣтомъ и помощью къ своему естественному защитнику-русскому консулу (онъ еще первый разъ былъ за границей). Но оттуда пришелъ ему только строгіи выговоръ и совѣтъ „поскорѣе убраться, если можетъ, во свояси“. Между тѣмъ наниматель его объ этои жалобѣ узналъ и, въ отместку, задержалъ уплату жалованья. Это случилось какъ разъ предъ пасхой, и бѣдная русская семья въ буквальнои смыслѣ сидѣла предъ великимъ праздникомъ безъ куска хлѣба. Вотъ тутъ оказали истинно христіанскую помощь иностранцы—миссіонеры, проживающіе въ Саппоро: узнавъ о злключеніяхъ русскаго, они устроили подшеку и, такимъ образомъ, вывели его изъ затрудненія. Почти со слезами на глазахъ рассказывалъ Павелъ Павловичъ объ этои благородномъ поступкѣ чужихъ. Теперь положеніе его лучше (послѣ для него выстроены даже и настоящии европейскіи домъ съ русскои печью). Мы долго проговорили съ нимъ и его женои, оба они рады были моему прїѣзду: никогда не бывавъ за границей, они сильно скучали въ непривычнои для нихъ обстановкѣ.

16—28 августа. Утромъ мы съ катихизаторомъ просмотрѣли церковную метрику. Съ основанія Саппороской церкви крещеній было 152. Изъ нихъ 83 умерло или переселилось въ другія мѣста, 6-рейтанъ (ослабѣвшихъ) и 36-неизвѣстно, гдѣ и въ какомъ состояніи находящихя. Эта неизвѣстность, конечно, вина катихизаторовъ, которые должны всячески наводить справки объ ушедшихъ отъ нихъ или пришедшихъ къ нимъ христіанахъ, и должны взаимно увѣдомлять одинъ друго. Но иногда неизвѣстность зависить отъ самихъ вѣрую-

щихъ, уходящихъ не сказавшихъ катихизатору. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это — худой признакъ: человѣкъ потерялъ дѣйствительную связь съ церковію, къ Богослуженію не ходитъ, въ христіанскихъ собраніяхъ на участвуетъ, однимъ словомъ,—рейтанъ; такому, конечно, легко уйти изъ извѣстнаго города совершенно незамѣченнымъ. — Въ настоящее время въ Саппоро, съ приходшими изъ другихъ церквей, до 120 вѣрующихъ. Церковь—небольшая, но, какъ видно, по молитвенному дому, очень усердная. По словамъ священника, почти всѣ вѣрующіе ежегодно по два раза и уже непременно по одному, приступаютъ къ исповѣди и св. причастію. Ежемѣсячно бываетъ симбокуквай. Есть еще „кружокъ испытателей вѣроученія“; къ нему принадлежатъ нѣстолько человѣкъ учителей, учениковъ, студентовъ, вообще интеллигентныхъ людей (всѣ, конечно, православные христіане). Собираются по воскреснымъ днямъ въ церковномъ домѣ кто-нибудь изъ нихъ излагаетъ подробно извѣстный пунктъ вѣроученія, а другіе ставятъ возраженія. Завязывается примѣрный диспутъ между испытующимъ и увѣреннымъ,—диспутъ, по большей части оживленный и прожительный. Не принадлежащіе къ кружку сидятъ и слушаютъ, могутъ и отъ себя возразить, если захотятъ. Такія словопренія, конечно, имѣютъ въ себѣ долю пользы: служатъ къ подробному усвоенію образованными японцами православной догматики. Лично, правда, я имъ не особенно сочувствую: логомахія никогда глубокой вѣры насадить не можетъ, всего и останется только логомахіей, кромѣ того, отсюда не мало можетъ быть и несогласій. Недаромъ апостоль Павелъ запрещалъ Тимофею, и не однажды, „вступать въ словопренія, что ни мало не служитъ къ пользѣ, а къ разстройству слушающихъ. Такія словпрительные кружки существуютъ и въ другихъ церквахъ японскихъ.

Въ 10 часовъ началась литургія. Служилъ отецъ Николай, пѣлъ вчерашній хоръ болѣе умѣренно и болѣе стройно. За причастнымъ я говорилъ поученіе на дневное евангеліе о богатомъ юношѣ (у всякаго христіанина въ жизни бываютъ такіе моменты, когда ему приходится выбрать между Христомъ и собственнымъ благополучіемъ, и тогда уклоненіе отъ самоотреченія будетъ отреченіемъ отъ Христа).

Послѣ службы (народу было еще меньше вчерашняго: оче-

видно, къ Богослуженію не приучены) нѣкоторое время побесѣдовали, и между прочимъ, объ устройствѣ воскресной школы, которой здѣсь нѣтъ. Дѣти нашихъ христіанъ находятся въ этомъ отношеніи совсѣмъ въ особенномъ положеніи. Крещены они маленькими, когда ни о какомъ оглашеніи не можетъ быть и рѣчи. Подростутъ,—начинаютъ обучаться въ правительственныхъ школахъ, гдѣ-ни слова о Богѣ, и хорошо еще, если христіанство не подвергается открытымъ насмѣшкамъ и злохуленію. Такъ дитя и выростетъ безъ всякаго знанія той вѣры, въ которую его крестили. А здѣсь незнаніе вѣры почти неминуемо ведетъ къ отпаденію отъ церкви, къ потерѣ христіанства. Только помня ученіе, христіанинъ и можетъ сохранить себя отъ засасывающего міра язычества. Вотъ почему и нужно вездѣ настаивать на открытіи воскресной школы. Не всѣ катихизаторы приходятъ сами къ сознанію необходимости ея, и причина—довольно понятна: если онъ обучить язычника, къ церкви прибавится новый членъ, и старанія катихизатора, такимъ образомъ, обнаружатся въ метрикѣ. Дитя же и безъ того уже занесено въ метрику, съ обученіемъ его ничего тамъ не прибавится, труды видимаго плода не принесутъ. Конечно, многіе въ буквальнойности такъ поступаютъ, это было бы ужъ очень не хорошо, но многіе искренно увлекаются расширеніемъ своей церкви, забывая, что церковь крѣпка не новыми членами. Отъ этого и случается, что новые христіане больше хранятъ вѣру и болѣе усердны къ церкви и больше знаютъ, чѣмъ тѣ, которые и родились отъ христіанскихъ родителей и съ дѣтства принадлежали къ церкви. Съ воскресной школой этого, конечно, быть не можетъ. Наша воскресная школа и преслѣдуетъ только именно эту цѣль—обученія христіанскихъ дѣтей вѣрѣ (свѣтскимъ наукамъ они достаточно обучаются въ школахъ правительственныхъ).

На мой вопросъ о школѣ катихизаторъ сослался, по обыкновенію, на недостатокъ времени, хотя предъ службой все равно ему дѣлать нечего. Тутъ же мы этотъ вопросъ и рѣшили, школу основать обязательно; учить въ ней катихизатору, пригласить къ помощи и другихъ, могущихъ заяться этимъ, напр., хотя бы Константина Омурѣ (состоящаго переводчикомъ и помощникомъ учителя при школѣ Павла Павловича). Этотъ охотно согласился, тѣмъ болѣе, что по во-

скреснымъ днямъ въ его школъ занятіи нѣтъ. Если исправно будутъ заниматься, въ одинъ годъ могутъ обучить многому. Самыхъ маленькихъ, обыкновенно, учать молитвамъ (сколько разъ приходится напоминать здѣшнимъ матерямъ, что первую молитву дитя долженъ узнавать непременно отъ матери, какъ это дѣлается въ хорошихъ православныхъ семействахъ). Далѣе, идетъ священная исторія и пр. Крайне необходимо также завести что-нибудь въ родѣ лекцій и для взрослыхъ, напр., студентамъ университета, которые тоже остаются внѣ вліянія церкви.

Въ два часа назначенъ былъ симбокуквай въ одномъ изъ, христіанскихъ домовъ. Съ полудня пошелъ дождь, да такой что просто нѣлыми потоками лилась вода съ неба. Улицы скоро превратились въ какія-то грязныя лужи, ноги вязнутъ, скользятъ, а сверху немилосердно поливаетъ. А не идти невозможно, да и опоздать стыдно (хотя сами японцы въ этомъ отношеніи замѣчательно не аккуратны: назначено три часа, стало быть, жди его около пяти). Закупорившись разными фартуками и привѣсками въ тѣсной дзиньрикисе, я къ 2 съ половиной былъ въ указанномъ домѣ. Христіанъ не было, да если бы и пришли, все равно говорить проповѣди было бы нельзя: дождь такъ барабанилъ въ деревянную крышу, что даже сосѣда можно было слушать только съ напряженіемъ. Сидѣть было скучно, время пропадало безъ толку, а христіане не шли. Впрочемъ, и трудно требовать, чтобы много собралось: для женщинъ (усердныхъ посетительницъ симбокуквай) положительно невозможно было и шагу ступить наружу. Мы прождали до 4 часовъ. Къ тому времени дождь немного утихъ, собралось человѣкъ пятнадцать по большей части подростковъ, и мы начали симбокуквай. Сначала конечно, молитва, съ ектеніей о всѣхъ присутствующихъ, а потомъ рѣчи. Одна молодая христіанка рассказала житіе мученика Феодота, другая (гостя изъ Маники) краткую рѣчь о необходимости блюсти свое сердце; потомъ что-то долго говорилъ Омуръ, а за нимъ и я о катакомбахъ, которыя я осматривалъ въ Римѣ проѣздомъ въ Японію, о ревности первыхъ христіанъ и пр.).

Послѣ зашелъ къ отцу Николаю на квартиру. Небольшой домикъ, пожалуй и тѣсный для его большой семьи (жена и четверо дѣтей). Въ общемъ очень чисто, прибрано, какъ и

вездѣ въ городскихъ японскихъ домахъ. На главномъ мѣстѣ висятъ иконы, предъ ними Богослужебный столикъ съ трехсвѣчникомъ, молитвенниками и евангелиемъ. По стѣнамъ подъ самый потолокъ повѣшены въ рамкахъ различныя надписи, изреченія изъ священнаго писанія или изъ китайскихъ классиковъ, есть даже рамка съ русской надписью, память объ о. Арсеніи, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ, бывалъ здѣсь. Подобныя надписи также обычны въ японскихъ домахъ, какъ въ нашихъ картины, и даже болѣе. У язычниковъ висятъ больше классики, у нашихъ христіанъ—изреченія изъ евангелія и т. п.? Пишутъ большою кистью, буквы выходятъ по нѣсколькѣ вершковъ. Цѣнятся, конечно, почеркъ, каллиграфія, но еще больше имя писавшаго! Писанье знаменитыхъ людей фотографируется и потомъ печатается. До сихъ поръ можно найти снимки съ почерка Кообоо-дайси, изобрѣтателя японской азбуки. Мода совершенно своеобразная, почти не имѣющая ничего соответствующаго въ нашихъ обычаяхъ.

Вечеръ прошелъ у Павла Павловича. Пришелъ отецъ Николай, пришли двое здѣшнихъ выдающихся христіанъ Григорій и Александръ, оба носятъ одну и ту же фамилію Абе, но совсѣмъ не родственники. Григорій Абе, богатый торговецъ, принялъ крещеніе въ Хакодате двадцать семь лѣтъ тому назадъ, отъ преосвященнаго Николая, тогда еще не епископа. Теперь Григорій—глава большой семьи, строго христіанской, одна дочь замужемъ за катихизаторомъ (которого мы потомъ увидимъ), а другая за инженеромъ, тоже православнымъ. Александръ Абе, не такъ богатъ, но также и даже еще болѣе усерденъ къ вѣрѣ. Крещенъ онъ тоже лѣтъ двадцать тому назадъ. Дѣти всѣ христіане, замѣтно хорошо по христіански воспитанныя. Александръ всегда первый откликается на церковныя нужды и охотнѣе всѣхъ жертвуетъ. Благодаря ему, выкупленъ и церковный участокъ и выстроенъ молитвенный домъ. Теперь въ душѣ его засѣла мысль со временемъ построить въ Саппоро и настоящій храмъ. На это, конечно, потребуется гораздо больше денегъ, но,—было бы усердіе, средства, хотя и съ трудомъ, собрать можно. Особенно хорошо будетъ, если храмъ построится исключительно на японскія деньги: къ своему всегда будетъ больше усердія, больше и охоты потомъ поддержи-

вать. И наши русскіе мужики не особенно-то берегутъ и поддерживаютъ даровое; но попробуйте тѣхъ же мужиковъ уговорить самихъ на свой счетъ построить себѣ школу: можно быть увѣреннымъ, что и дѣтей въ нее будутъ они посылать охотнѣе, и денегъ найдутъ на ея поддержку. То же самое и здѣсь.

Мы долго просидѣли у Павла Павловича, бесѣдуя о разныхъ предметахъ. Самъ онъ японскаго языка не знаетъ, но весьма радушно относится къ христіанамъ, исправно ходитъ къ Богослуженію, иногда и жертвуетъ на храмъ. Этому нельзя не радоваться, потому что примѣръ гораздо дѣйствительнѣе длинныхъ проповѣдей. Къ сожалѣнію рѣдко приходится намъ находить поддержку въ мірскихъ людяхъ, поселившихся здѣсь, чаще нужно ограждать христіанъ отъ соблазна. Жена Павла Павловича ведетъ знакомство съ христіанками; говоритъ и она не можетъ, но хоть вмѣстѣ посидятъ и другъ на друга посмотрятъ, и то не такъ скучно.

17—29 августа. Съ восьми съ половиной часовъ утра и до шести съ половиной вечера ходили по домамъ христіанъ. Посѣтили всего 17 домовъ. Они разбросаны на такое огромное пространство, что пришлось на нихъ цѣлый день потратить. Въ общемъ впечатлѣніе довольно хорошее. Особенно, конечно, хороши христіане старые, крещенные въ Хакодате и видѣвшіе первые дни японской церкви. У нихъ обычно вся семья—христіане, прекрасная икона въ кѣлетѣ, всѣ хорошо крестятся, молитвенникъ на видномъ мѣстѣ и сильно засаленный отъ постояннаго употребленія. Посмотришь коробку съ фотографіями, тамъ почти всѣ прежніе миссіонеры и болѣе или менѣе замѣчательные японскіе священники и катихизаторы. Такъ и видно, что человекъ въ церкви живетъ. Такіе дома особенно дороги для мѣстной церкви: они хранители преданій, живые свидѣтели старины. Молодые въ христіанствѣ дома за нихъ держатся, живутъ ихъ разказами, подражаютъ имъ. Священникъ въ нихъ находитъ совѣтниковъ и всегда готовую поддержку. Въ Саппоро нѣсколько такихъ домовъ, оба Абе въ томъ числѣ. Но есть, конечно, и неутѣшительныя явленія: много домовъ только отчасти христіанскихъ, что, какъ я и выше замѣчалъ, признакъ не особенно хорошій, часто свидѣтельству-

щій о холодности христіанъ. Мы были въ одномъ такомъ домѣ: мужъ—христіанинъ, а жена злая—презлая язычница, вдобавокъ господствующая надъ мужемъ. Дѣти не крещенные, даже и иконы нѣтъ. Что тутъ прикажете дѣлать съ такой супругой? Она и въ церковь на молитву своего мужа не пускаетъ, не говоря уже о чемъ-нибудь большемъ. Конечно, при горячей вѣрѣ человѣкъ и злой жены бы не побоялся... Въ другомъ домѣ мужъ-христіанинъ, недавно перешедшій изъ унитаріанства, образованный человѣкъ, еще не старшій, но уже значительный чиновникъ. У него и иконы на видномъ мѣстѣ въ пріемной комнатѣ, и въ церковь ходитъ. Жена и дѣти покуда не крещены, но Богъ дастъ, будутъ и они христіанами; жена противъ слушанія ученія ничего не имѣетъ.

Мы ходили цѣлою компаніей: отецъ Николаи, я, катихизаторъ, Омура и Александръ Абе, въ качествѣ старосты отъ христіанъ. Пришлось побывать и за городомъ въ слободѣ, гдѣ помѣщается тюрьма. Два тюремныхъ надзирателя—наши православные христіане. Одинъ изъ нихъ былъ въ свое время катихизаторомъ, но уже давно оставилъ службу. Къ чести его, онъ и теперь, можетъ быть примѣромъ для простыхъ христіанъ. Съ грустью приходится признаться, что катихизаторы оставившіе церковную службу, часто бросаютъ и усердіе къ церкви, производя этимъ не малый соблазнъ и подрывая авторитетъ катихизаторовъ, продолжающихъ служить. Оба дома вполне христіанскіе. Живутъ въ казенныхъ квартирахъ около самой тюрьмы. Мы видѣли только высокій, деревянный заборъ, не позволяющій разсмотрѣть даже и зданій тюрьмы. Возвращаясь оттуда, встрѣтили партію арестантовъ, еще издали пестрѣвшихъ своимъ своеобразнымъ желтовато-розовымъ костюмомъ. Ихъ было человѣкъ десять подъ конвоемъ нѣсколькихъ полицейскихъ. Шли они всѣ гуськомъ, привязанные одинъ къ другому, устало ступая; на головахъ плетеныя шляпы въ видѣ колокола, совершенно скрывающія лицо. Крайне печальный и унылый видъ! Человѣка два шло отодвинувъ шляпу на затылокъ, безъ всякаго стѣсненія смотря прямо въ глаза проходящимъ; должно быть не въ первый разъ приходится имъ совершать подобныя путешествія. Одинъ шелъ блѣдный, какъ мертвецъ, сложивъ на груди руки, только изрѣдка поднимая

свои черные большіе глаза. Взглядъ глубокій, страдающій и безнадежный... Что онъ сдѣлалъ, бѣдный, и что ядало его за стѣнами этой тюрьмы? Въ ней говорятъ, совершаются и смертныя казни...

18—30 августа. Опять съ утра до ночи обходили христіанскіе дома. Всѣхъ было 14, но изъ нихъ большинство не выполнѣ христіанскихъ. Запомнился домъ Исаи Таката. Жена—простая, какъ-будто забитая женщина, давнишняя христіанка, дѣти тоже крещены при самомъ рожденіи (значить, мать—хорошая христіанка). Мужъ, далеко не отличавшійся трезвостью, тоже издавна слушалъ ученіе; въ послѣднее время даже и увѣровалъ и всячески просилъ окрестить его, но священникъ не соглашался, требуя отъ него исправленія. Но послѣ долгихъ приставаній и увѣреній священникъ наконецъ уступилъ, и назначилъ день крещенія (предполагалось крестить нѣсколько человекъ). Таката торжествовалъ и радовался, но, должно быть, хотѣлъ еще усилить свою радость и выпилъ. Утромъ пришелъ въ церковь, когда обрядъ крещенія уже былъ оконченъ, пришелъ, притомъ, хорошенько еще не очнувшись. Конечно, священникъ его сильно побранилъ за это и наотрѣзъ отказался окрестить. Но вотъ во время отсутствія священника, Таката такъ захворалъ, что всѣ были увѣрены въ неминуемой смерти его. Просьбу умирающаго не исполнить нельзя,—католикъ и совершилъ надъ нимъ клиническое крещеніе. Къ удивленію всѣхъ, Исаия послѣ крещенія быстро поправился и теперь почти совсѣмъ здоровъ. Да и пить пересталъ,—можетъ быть, и совсѣмъ исцѣлѣетъ душевно и тѣлесно. Очевидно, онъ увѣровалъ искренно, только невоспитанная воля его не покорялась. Человекъ онъ на видъ даже интеллигентный, съ хорошей бородой и съ тонкими чертами лица; говорятъ, искусный столяръ. Можетъ быть, станетъ и выполнѣ трезвымъ и полезнымъ человекомъ.

Въ другомъ домѣ: мужъ христіанинъ, но уже давно неходящій въ церковь, какой-то чиновникъ. Въ пріемной на самомъ почетномъ мѣстѣ виситъ небольшая печатная иконка Божіей Матери. А въ сосѣдней комнатѣ огромная буддійская божница—предметъ почитанія его упорной въ буддизмъ жены. Божница стояла теперь настезь, украшенная цвѣ-

тами, живыми и искусственными, предъ ней небольшою столпъ покрытой японской парчой, уставленный всевозможными приношеніями, тутъ и плоды, и вино, и рисъ, и хлѣбъ и пр. и пр. Мы попали въ Саппоро какъ разъ къ буддійскому празднику „бонъ“, поминовенія умершихъ, который продолжается нѣсколько дней. Домашнія божницы стоятъ заваленныя разными приношеніями, храмы разукрашены флагами и фонарями, предъ алтарями горятъ безчисленныя свѣчи, а бонзы неустанно завываютъ, торопливо прочитывая небольшія записочки съ именами умершихъ, подаваемые посѣтителеми. Слышенъ непрерывный гудъ гонга, звонъ денегъ, потокомъ льющихся въ широкую кружку—ящикъ. По городу движеніе, народъ идетъ на могилы своихъ родственниковъ, каждый несетъ въ рукахъ что-нибудь для украшенія могилъ: цвѣты, свѣчи—факелы, плоды. Всѣ разряжены: въ лучшія свои костюмы, никто не работаетъ,—не мало, конечно, и подвизившихъ. Бонзы бѣгаютъ до усталости, спѣша посѣтить своихъ девинокъ, пропѣть имъ, что полагается, получить что слѣдуетъ, и бѣжать въ слѣдующій домъ.

И на этотъ разъ ѣздили за городъ въ деревушку Сиронси (верстахъ въ семи отъ города), гдѣ есть одинъ очень хорошій христіанскій домъ. По дорогѣ туда посѣтили кладбище, распланированное подъ прямыми углами, но еще заросшее кустарникомъ и высокой травой. И тамъ бонзы имѣли много хлопотъ на этотъ день: одинъ, совсѣмъ пропадая въ облакахъ куреній, гудѣлъ на гонгѣ предъ жертвенникомъ въ храмѣ, а нѣсколько другихъ, запахивая свою широкую, развѣвающуюся одежду, переходили съ могилы на могилу, торопливо пропѣвали что-то, смотря въ пространство и высматривая, гдѣ-бы пропѣть въ слѣдующій разъ. По могиламъ цвѣты, плоды, въ воздухъ своеобразный запахъ курящихся буддійскихъ свѣчъ.

Христіанскія могилы разсѣяны среди языческихъ, по пяти, по три въ рядъ. Надъ всѣми кресты. Странно только видѣть на нѣкоторыхъ могилахъ буддійскія свѣчи и др. языческія приношенія: это усердствовали родственники язычники. Можетъ быть, они приглашали сюда и бонзу, помѣшать никто не можетъ, а самъ бонза едва ли откажется: не особенно учтиво было бы съ его стороны объявить сво-

ему прихожанину, что его христіанскій родственникъ теперь превратился въ свинью или во что-нибудь, еще худшее, и потому молиться за него не стоитъ. Это, притомъ, не могло бы быть выгодно для бонзы.

Проходя по городу, видѣли молитвенные дома инославныхъ миссій. Католики покуда ютятся въ очень скромномъ домикѣ. Двое французскихъ священниковъ постоянно живутъ здѣсь въ городѣ, другіе двое путешествуютъ по округѣ. Но обращенныхъ у нихъ не особенно много, во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ у насъ. Видѣли хорошую церковь амереканскихъ пресвитеріанъ съ пѣтухомъ на шпичѣ вмѣсто креста; ихъ такъ и называютъ въ народѣ „пѣтушиной церковью“ (вотъ до какихъ глупостей можетъ доводить боязнь священныхъ изображеній). Впрочемъ, мистеръ Пирсонъ съ женой, завѣдывающіе этой церковью, очень достойные люди, съ замѣчательной добротой заботившіеся о нашихъ землякахъ. Есть небольшой кваідоо у англиканъ, но въ немъ, говорятъ, регулярно на молитву не собираются,—вѣрующіхъ японцевъ почти совсѣмъ нѣтъ (для чего же спрашивается выстроены онъ?). У нихъ здѣсь есть миссія айносская, которой завѣдуетъ организаторъ ея, мистръ Бачелѣръ, составившій и грамматику айносскую, сдѣлавшій и не мало переводовъ на этотъ примитивный языкъ. Мы видѣли домъ его совнѣ, тамъ собираются къ нему айны, есть особый пріютъ для нихъ, школа для дѣтей и пр. Должно быть, для этой церкви и пріѣзжалъ bishopъ изъ Хакодате. Въ прежнее время особенно сильна была здѣсь самостоятельная японская церковь, такъ называемая „Христова церковь въ Японіи“. Это нѣчто въ родѣ методизма, пресвитеріанства и пр., взятаго вмѣстѣ. Основалась она среди учениковъ въ одной изъ школъ, бывшихъ подъ руководствомъ миссіонеровъ. Ученики собирались по воскресеньямъ на молитву, кто-нибудь изъ нихъ замѣнялъ пастора для общей молитвы и послѣдняго благословенія предъ расходомъ, кто—нибудь проповѣдовалъ. Сначала это было что очень близкое къ дѣтской игрѣ, а потомъ, когда импровизаторы окончили курсъ, они продолжали поддерживать между собою общеніе, по прежнему собирались на молитву, по прежнему кто-нибудь замѣнялъ пастора и пр. Эта церковь потомъ такъ возросла, что затмила собою другія. Но

теперь и она какъ-то захирѣла. Усердные жертвователи и даже самые основатели понемногу потеряли вѣру; изъ прежнихъ либеральныхъ христіанъ, съ трудомъ удерживавшихъ хоть что-нибудь въ христіанствѣ, они превратились въ настоящихъ агностиковъ, имѣющихъ общее скорѣе съ философскимъ буддизмомъ, чѣмъ съ христіанствомъ. Вѣрующіе, впрочемъ, и теперь въ этой церкви есть, только влачатъ они какое-то неопредѣленное существованіе, не имѣя у себя настоящихъ руководителей. Кромѣ помянутыхъ, есть и еще нѣсколько протестантскихъ церквей различныхъ оттѣнковъ.

Вечеромъ долго сидѣли двое студентовъ земледѣльческаго института (высшаго учебнаго заведенія). - Одинъ православный изъ хорошей здѣшней христіанской семьи, а другой язычникъ, но много слышавшій о христіанствѣ и почти регулярно слушавшій протестантскихъ проповѣдниковъ. Я ему говорилъ о вѣрѣ, стараясь въ особенности остановить его вниманіе на томъ, что христіанство не философія, не догадка испытующаго человѣческаго ума, а дѣйствительность, осязательный историческій фактъ, въ который нужно вѣровать и по нему жить. Слушатель сидѣлъ, вѣжливо наклонивъ голову, но едва ли что-нибудь запало въ его душу. Для серьезнаго вдумыванія слишкомъ еще онъ молодъ, а между тѣмъ до нельзя увлеченъ внѣшней видимостью цивилизаціи и матеріальной стороной своей будущей жизни. И у насъ студенты въ вѣчныхъ вопросахъ какъ-то по дѣтски легкомысленны, а здѣшніе и подавно: буддизмъ въ его настоящей формѣ можетъ ихъ только смѣшить, въ бонзахъ они видятъ только не совсѣмъ чистоплотныхъ вралей, которымъ развѣ старухъ заговаривать,—дѣтскій синтоизмъ, хотя и раздувается въ національную религію и прикрывается обаяніемъ патріотизма, конечно, еще менѣе можетъ свидѣтельствовать въ пользу религіи. Поневоля молодой человѣкъ заброситъ всѣ эти вѣчные вопросы и будетъ смотрѣть только туда, гдѣ его ожидаетъ какая-нибудь мірская, житейская польза.

Архимандритъ Сергій.
